

О Ф.М.Достоевском

(Из воспоминаний о нем)¹

По болезни я не мог принять участия в споре с г.Инфолио (Нов. Вр. от 24-го ноября) и г.Розанова (Нов. Вр. от 27-го ноября прошедшего года) о легенде Достоевского. Дело в том, что сам покойный Ф.М.Достоевский не только сделал мне некоторые разъяснения насчет этой легенды, но и прямо поручил мне кое-что о ней написать. Проездом в 1879 г. летом в Эмс и обратно в Петербург наш знаменитый теперь повсюду писатель провел несколько дней в Берлине. Вот что он мне между прочим прямо тогда продиктовал с просьбою написать об этом: «Федор Михайлович с этой легендою – о великом инквизиторе – достиг кульминационного пункта в своей литературной деятельности или – как это прибавил он – в своем творчестве»... На вопрос же мой, что значит то, что он поместил именно такую религиозную легенду в роман о русской жизни («Братья Карамазовы») и почему именно он считает не самый роман, имевший такой успех даже до окончания его, важным, а эту легенду, он объяснил мне вот что. Он тему этой легенды, так сказать, выносил в своей душе почти в течение всей жизни и желал бы ее именно теперь пустить в ход, так как не знает, удастся ли ему еще что-либо крупное напечатать. Относительно же самого содержания легенды он прямо объяснил, что она – против католичества и папства, и именно самого ужасного периода католичества, т. е. инквизиционного его периода, имевшего столь ужасное действие на христианство и все человечество. Он прямо говорил, что в инквизиционном католичестве действовали не Христос и даже не папы, а «просто злой дух, бес, черт»... Против католичества же вообще и особенно периода первых чистых веков христианства он, конечно, не имел ничего; даже раз мне сказал, что если новейшая Италия чем-либо прославилась, так это своим папством и могучею объединяющею силою на весь мир первоначального вселенского католичества.

После всего этого, мне кажется, что г. Розанов совершенно прав, уверяя, в опровержение мыслей г. Инфолио о том, что Достоевский будто бы заимствовал фабулу легенды у Гете и Вольтера, что невозможно «труд жизни, страдания мысли многолетние, тяжелые, сердечные приравнивать к литературному заимствованию». Но г.Розанов неправ в своем замечании, что это как бы не столько «антикатолическая, сколько вообще антихристианская» легенда! Нет, именно антикатолическая, - по этим, его лично сделанным мне разъяснениям, но, повторяю, антикатолическая позднейшего периода, периода упадка его, господства католической иерархии лишь по виду над душами верующих, а в сущности так сказать над их грешными телами и их имуществами чисто мирскими и пр. Недаром же Достоевский и избрал для действия великого

---

¹ Новое время. 1902. 16 (29) января. № 9292. С.3.

инквизитора 16-е столетие, когда католичество в Испании достигло того, что государственною инквизициею было казнено несколько десяткой тысяч католиков!

Вполне прав также г. Розанов, говоря, что вовсе не нужно и справок с Вольтером и Гете, чтобы начать сочинять подобную легенду, ибо «все это (содержание) так общераспространено, составляет такой краеугольный камень христианства»... К тому же Достоевский был крайне щепетилен насчет заимствований, особенно тайных, в произведениях творчества. Вообще и мне представляется такое заимствование совершенно невероятным и неправдоподобным, - да еще будто бы «с мстительным, протестантским характером источника». Насчет же протестантов в религиозных делах Достоевский тоже постоянно так отзывался: «Да у них ничего нет» или «ничего не осталось».

Разъяснения его мне насчет легенды о великом инквизиторе я более 22 лет носил в себе, все имея в виду написать обстоятельные воспоминания о Федоре Михайловиче, от которого имею еще не напечатанные письма.

Берлин